

© Г. А. Пиманов

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИРАНЦЕВ О МОСКВЕ И ЕЕ ЖИТЕЛЯХ

Несмотря на углубление двусторонних связей и контактов между Ираном и Россией, в иранском обществе продолжают существовать негативные стереотипы о России, во многом обусловленные недостаточным уровнем информированности. Настоящая статья направлена на изучение представлений иранцев о социально-культурных различиях между Ираном и Россией. Основная цель исследования заключается в выявлении образа Москвы и её населения у жителей Ирана. Для достижения данной цели поставлены несколько задач: 1) определение ожиданий иранцев относительно взаимодействия с пространством и населением Москвы; 2) выявление различий в этих ожиданиях среди разных социальных групп населения Ирана. В рамках исследования были собраны и проанализированы данные, которые показали, что представления иранцев о русских и москвичах в значительной степени формируются на основе различий между культурами. Образ Москвы, как установлено, является в целом положительным и ассоциируется с её богатым культурным наследием, современными достижениями и свободами, которые предоставляет город. Кроме того, исследование выявило пять групп иранцев, различающихся по отношению к Москве и её населению — от негативного до идеализированного восприятия, в зависимости от опыта взаимодействия и уровня информированности. В статье делается вывод, что наличие личных связей и опыт успешной адаптации в близком социальном окружении способствуют формированию позитивного образа Москвы среди иранцев, что подчеркивает важность межкультурного обмена.

Ключевые слова: *Иран, Москва, автостереотипы, гетеростереотипы, образ города*

Ссылка при цитировании: *Пиманов Г. А. Представления иранцев о Москве и ее жителях // Вестник антропологии. 2026. № 1. С. 84–98.*

© Gleb Pimanov

IRANIANS' PERCEPTIONS OF MOSCOW AND ITS RESIDENTS

Despite the deepening of bilateral relations between Iran and Russia, negative stereotypes about Russia persist in Iranian society, largely due to a lack of awareness.

Пиманов Глеб Алексеевич — аспирант кафедры этнологии исторического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119192 Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, к. 4). Эл. почта: gleb.pimanov202@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7903-4371>

This article aims to study Iranians' perceptions of the socio-cultural differences between Iran and Russia. The main goal of the study is to identify how Iranians view Moscow and its population. To achieve this goal, several objectives were set: 1) to determine Iranians' expectations regarding interaction with the space and population of Moscow; 2) to identify differences in these expectations among different social groups within Iranian population. The study collected and analyzed data that showed that Iranians' perceptions of Russians and Muscovites are largely based on their perception of cultural differences. The image of Moscow was found to be generally positive and associated with its rich cultural heritage, modern achievements, and the freedoms that the city provides. In addition, the study identified five groups of Iranians who differ in their attitudes toward Moscow and its population, ranging from negative to idealized, depending on their experience of interaction and level of awareness. The article concludes that the presence of personal connections and the experience of successful adaptation in a close social environment contribute to the formation of a positive image of Moscow among Iranians, which emphasizes the importance of intercultural exchange.

Keywords: *Iran, Moscow, autostereotypes, heterostereotypes, image of the city*

Author Info: **Pimanov, Gleb A.** — Postgraduate Student of the Ethnology Department, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: gleb.pimanov202@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7903-4371>

For citation: Pimanov, G. A. 2026. Iranians' Perceptions of Moscow and Its Residents. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 84–98.

Введение

В последние годы наблюдается укрепление экономических и культурных связей между Россией и Ираном, что связано с политическими и экономическими факторами, способствующими углублению сотрудничества между двумя странами. В условиях глобальных изменений, таких как санкции и политическая нестабильность, обе страны стремятся укрепить взаимные отношения, открывая новые возможности.

Экономические связи демонстрируют положительные тенденции: объем торговли за девять месяцев 2024 г. достиг \$3,3 миллиарда, увеличившись на 14,7% (Объем торговли РФ и Ирана вырос на 14,7% за девять месяцев 2024 года). Подписание Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве 17 января 2025 г. стало важным шагом в углублении связей, акцентируя внимание на сотрудничестве в политике, безопасности, экономике и культуре (Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран 2025).

Культурные связи также становятся значимыми благодаря увеличению обменов, выставок и фестивалей, что способствует лучшему пониманию культур. Открытие Культурного представительства Ирана в Москве в 1999 г. и представительства России в Иране в 2021 г. подчеркивает медленный, но уверенный процесс налаживания культурных обменов (Полищук и др. 2018: 370).

Туризм играет важную роль в укреплении связей: взаимный туристический поток в 2023 г. вырос на 52%, превывсив допандемийный уровень, а за первое полугодие 2024 г. вырос еще на 30%. Новые прямые авиарейсы, такие как «Санкт-Петербур-

бург — Тегеран» и «Сочи — Тегеран», способствуют росту туристических поездок (Минэкономразвития России: Количество поездок иранских туристов в Россию за первое полугодие 2024 г. увеличилось почти на 30%).

Увеличение потока иранцев в Россию, особенно в столицу, также заметно: число трудовых мигрантов возросло с 956 в 2016 г. до 2 210 в 2022 г., в основном за счет высококвалифицированных специалистов (*Вазиров* и др. 2023: 93–94).

Тем не менее, культурные отношения остаются дефицитными и несимметричными по сравнению с политическими и экономическими связями. Исследования показывают, что население обеих стран недостаточно осведомлено о соседях и подвержено негативным стереотипам (*Малеки* 2017: 138). В Иране существует негативный образ России, во многом сформированный односторонним освещением исторических событий. Так, например, в школьных учебниках Ирана часто делается акцент на исторических конфликтах, что влияет на восприятие современной России. Также российские организации не прилагают достаточных усилий для улучшения имиджа страны в Иране, что тормозит развитие сотрудничества (*Зотова* 2021: 168).

Все рассматриваемые аспекты взаимодействия между Россией и Ираном и их жителями становятся источником информации для иранцев о России, на основе которой формируются их представления и стереотипы о жизни в этой стране. Согласимся с мнением американского социального психолога Сьюзен Фиск, согласно которому стереотипы влияют на ожидания относительно взаимодействия с представителями другой культуры, что, в свою очередь, формирует общее впечатление о ней (*Fiske* 1993: 623). Это указывает на то, что жители Ирана могут иметь определенные ожидания относительно межгруппового контакта еще до его осуществления. По словам, российского социолога Ю. Г. Волкова, индивид адаптирует свое поведение в соответствии со своими собственными предвосхищениями относительно изменяющегося окружающего мира, физического и социального (*Волков* 2013: 404). В связи с этим важно изучить, представления иранцев о различиях в социально-культурных условиях Ирана и России, которые являются основой для норм социального поведения.

Поскольку Москва является важным культурным и экономическим центром, где реализуется множество возможностей для взаимодействия и обмена, целью статьи является выявление образа Москвы и ее населения у жителей Ирана. В задачи входит: выделить ожидания иранцев о жизни в Москве, о возможном взаимодействии с городским пространством и местным населением, а также найти различия в ожиданиях для разных социальных групп населения Ирана.

Методика исследования

В данной статье для сбора данных использовался опрос, который был размещён в интернете. Мы выбрали популярные платформы для общения с носителями иностранных языков, такие как Tandem и HelloTalk. Эти платформы позволяют людям из разных стран взаимодействовать друг с другом, что сделало их подходящей основой для поиска респондентов. Изначально опрос проходил на английском языке. После заполнения анкет мы просили респондентов поделиться вопросником на фарси с их знакомыми, друзьями и родственниками, чтобы получить ответы не только тех, кто знает английский. В итоге опрос прошли 58 человек. Личное общение состоялось с 18 респондентами. Возрастной состав прошедших опрос разнообразен: пример-

но половина находится в возрастной категории от 20 до 25 лет, следующая группа (26–30 лет) составляет 23%, старше 30 лет — около 12%, а младше 20 лет — 9%. Это возрастное распределение показывает, что большая часть опрошиваемых — молодое и относительно активно обучающееся население. Что касается образования, около трети опрошенных имеют диплом бакалавра, тогда как четверть респондентов представляют группу с неоконченным бакалавриатом или школьным образованием, и лишь небольшое количество респондентов имеют магистерские и докторские степени и другие квалификации. Почти половина респондентов (примерно 50%) проживает в Тегеране, при этом небольшой процент прибыл из других городов Ирана. Около 20% опрошенных живут в крупных городах-миллионниках.

Важно отметить, что среди респондентов только 12% лично посещали город, еще 15% указывают на наличие родственников и друзей, проживающих или проживавших в Москве. У остальных 73% не имеется никакой связи с Москвой. Эти факторы играют важную роль в формировании их восприятия российской столицы. Таким образом, можно выделить три группы по источникам формирования представлений о городе: личное взаимодействие с ним, через знакомых, посещавших его, и через материалы СМИ.

Опрос был структурирован в несколько блоков вопросов, каждый из которых был направлен на исследование различных аспектов восприятия Москвы, местного населения и ожиданий от взаимодействия с ними. Эти блоки сосредоточены на выявлении стереотипов, касающихся Москвы и ее жителей. В исследовании применялся функциональный подход, который подразумевает разделение стереотипов на базовые и аффорданс-стереотипы (*Neuberg et al. 2020: 248–252*). Базовые стереотипы приведены в первых двух блоках и отражают представления о характерных чертах русских, их сравнение с иранцами, и об особенностях городского пространства Москвы, выявление точек интереса в городе и различий с родными городами респондентов. В то время как стереотипы аффорданса касаются значений, которые эти характеристики могут иметь для информантов, ожидания от взаимодействия с населением Москвы и ее пространством, включая потенциальные угрозы или возможности. Стереотипы аффорданса непосредственно влияют на формирование предвзятостей, в то время как базовые стереотипы служат лишь «строительными блоками» для их формирования.

В рамках данного исследования основная часть вопросов, включенных в анкету, были открытыми, что позволило респондентам свободно выражать свои мысли. Для анализа собранных данных использовался метод контент-анализа, который позволил выявить основные темы и тенденции в ответах респондентов, а также их эмоциональную насыщенность высказываний респондентов для обнаружения преобладающих представлений о Москве. Также для более глубокого понимания ответов респондентов была проведена серия расширенных интервью.

Анализ первого блока вопросов: сравнение иранцев и русских

Вопросы первого блока нацелены на выявление авто — и гетеростереотипов жителей Ирана о себе и русских. Автостереотипы — это характеристики собственной этнической группы, осознающиеся в виде специфических образов, мнений, суждений, оценок, относимых к своей общности, ее представителям, имеющие тенденцию прежде всего к благоприятной оценке (*Артановский 1992: 18*). Гетеростереотипы — это совокупность оценочных суждений о других народах.

В первом вопросе респондентам было предложено указать на общее между иранцами и русскими. Интересно отметить, что самая большая доля респондентов (21%) не смогли выделить общих черт между жителями двух стран. В остальных ответах в первую очередь выделяют политическую сферу (17%), что можно связать с преобладанием новостей о России в иранских СМИ, где акцент делается на политических событиях. Вторым сходством выступает категория семейных ценностей, которая включает в себя уважение к старшим, важность института брака, схожие взаимоотношения между мужем и женой, заботу о членах семьи. К числу значимых категорий иранцы относят культуру общения, в которую входят разнообразные формы вежливости, приветствия и проявления гостеприимства. Также респонденты выделяют общие личностные черты, такие как серьезность, схожий образ мыслей и доброта.

Второй вопрос посвящен представлениям о различиях между русскими и иранцами. В этой части было названо больше категорий. При этом ответа не было у минимального числа респондентов. Около трети участников отмечают разницу в темпераментах, при этом в большинстве ответов они используют формулировку, что иранцы являются «теплокровными» («warm-blooded», «مردگ خونگ»), что означает, что они более экспрессивные, дружелюбные, комфортные, общительные, гостеприимные, но при этом вспыльчивые. Русские в их представлениях являются «холодными» («Cold people», «سردس»), то есть они более закрытые, недружелюбные, осторожные, грустные и негостеприимные, особенно по отношению к иностранцам. Следующей категорией оказались культурные различия без пояснений, что говорит о том, что респонденты осознают наличие разницы, но не всегда способны четко ее артикулировать. В третью категорию вошли различия в образе жизни: респонденты указывают на то, что в России дома меньше и беднее, чем в Иране, в ней больше проблем с безопасностью, но при этом у русских больше личных свобод. В ходе интервью респонденты уточняли, что это свобода от традиционных норм поведения: отсутствие ограничений на употребление алкоголя, посещение клубов, общение с противоположным полом, ношение открытой одежды (ПМА 2024). Следом идут различия в языке и религии. Также указаны такие категории как политика, юмор, физические особенности населения, одежда, погода. Только в двух ответах говорится о позитивных отличиях русских по сравнению с иранцами, они заключаются в большей прагматичности и в большем интересе к художественной культуре.

Можно сделать вывод, что иранские респонденты в первую очередь акцентируют внимание на различиях между народами, в то время как схожие черты не воспринимаются ими как очевидные. Сравнение между русскими и иранцами в основном сосредоточено на положительных характеристиках иранцев и негативных чертах русских. Согласно мнению психолога В. В. Ильюшкина, формирование национальных чувств основывается на оценке достижений и образа жизни других групп через призму собственных ценностей, что приводит к преобладанию позитивных эмоций по отношению к своей этнической группе (Ильюшкин 2015: 9) и выявляет автостереотип, который у иранских респондентов включает в себя идеализированные представления о семейных ценностях, теплом темпераменте, вежливом общении и гостеприимстве. Соответственно образ русских формируется на основе собственного автостереотипа: те черты, которые с ним совпадают, воспринимаются как позитивные, а те, которые отличаются от черт иранцев — как негативные.

Анализ второго блока вопросов: выявление образа Москвы

Второй блок посвящен выявлению образа Москвы и ее сравнению с родными для респондентов городами.

Вспомним слова Анри Лефевра, констатировавшего, что пространство — это социальный продукт или сложная социальная конструкция (основанная на ценностях и социальном производстве смыслов), которая влияет на пространственные практики и восприятия (*Лефевр* 2015). Также процитируем Томаса Герина, повторившего за Э. Соджа, что места вдвойне сконструированы: они физически построены, а также интерпретируются и описываются (*Gieryn* 2000: 465). Именно это свойство пространства быть почувствованным, представленным и далее описанным людьми является для нас важным, т. к. оно позволяет говорить о существовании некоторых коллективных общих образов одного и того же пространства, в данном случае Москвы. По мысли семиотика-архитектора Кевина Линча, широко использовавшего концепт образа города, обобщенный образ города складывается из индивидуальных; несмотря на то, что индивидуальные образы могут сильно различаться, в них всегда оказывается некое ядро, которое и позволяет составить обобщенный образ (*Линч* 1982: 20).

В первом вопросе респондентам было предложено указать места, которые они бы хотели посетить в Москве. Наиболее популярным ответом (32%) стали Кремль, Красная площадь и Собор Василия Блаженного. Эти символы Москвы являются знаковыми и хорошо известны за пределами России, что говорит о том, что для респондентов эти достопримечательности являются символами России и вызывают интерес благодаря своей исторической и культурной значимости. Почти 15% не заинтересованы в посещении Москвы, о чем и написали в своих ответах. А 11% респондентов выразили желание посетить «всё в Москве», что указывает на отсутствие глубокого представления о конкретных достопримечательностях, но вместе с тем и на желание узнать город в целом. Примерно треть респондентов указали на «красивые», «исторические», «престижные» и «популярные» места, что свидетельствует о неопределенности и недостатке конкретных знаний о столице России. Кроме того, опрошенными был назван достаточно большой перечень мест интереса в Москве, включающий в себя с небольшим процентом ответов пешеходные улицы, Арбат и Тверскую, метро и Москву-сити, театры и музеи, сады и парки (чаще всего указывали ВДНХ), магазины и университеты: МГУ и медицинские вузы, — это связано с приоритетом медицинского образования, которое получают многие иранские студенты в Москве (*Вазиров* и др. 2023: 94), отсюда осведомленность о таких объектах у их знакомых, живущих в Иране. Это разнообразие демонстрирует интерес как к культурным, так и научно-образовательным и развлекательным аспектам жизни российской столицы.

При анализе различий между Москвой и иранскими городами, респондентами выделены следующие аспекты. Главным различием стали климатические условия (20%). Респонденты также отмечают особенности архитектуры и полагают, что в Москве она более современная, также о большей современности говорит и высокий уровень развития городской среды по сравнению с иранскими городами. Важными различиями видятся внешние характеристики городов (чистота, многолюдность улиц, наличие скамеек, более чистая экология) и образ жизни, включая качество жизни, свободу, безопасность. Выделяются такие характеристики, как многонациональность населения (в т. ч. заметное количество мигрантов в Москве), разный тем-

перамент людей и различия в повседневной жизни, что может восприниматься как позитивное, так и негативное.

При сравнении Москвы с иранскими городами, 40% респондентов не выявили значительных сходств, ещё 15% ответили, что общего практически нет. Самый частый ответ касается сходств в культуре и истории, но без конкретизации. Лишь 8% респондентов, все из которых, являются жителями крупных городов Ирана, отметили, что ритм жизни в Москве схож с их родными городами.

Сами информанты в личном общении указывают на то, что практически никакой информации про Москву в официальных СМИ они не встречали. Их знания города основаны на том, что оказалось для них на слуху, или на том, что они нашли сами по своей инициативе. Например, в расширенном интервью иранская информантка сказала, что впервые заинтересовалась Москвой и решила узнать о ней больше благодаря тому, что в Москве выступал с концертом ее любимый музыкальный исполнитель, Александр Рыбак (ПМА 2024). Отсюда видно, что Москва за счет своей значительной аттрактивности является центром притяжения культурных мероприятий со всего мира, что, в свою очередь, способствует росту интереса к городу у жителей Ирана.

При этом средства массовой информации, книги, фильмы, рекламные проспекты туристических агентств создают некоторый конвенциональный, «общепринятый» и поверхностный образ города, который Москва транслирует вовне, и который легко презентуется при поиске в сети Интернет. Соответственно, это первая возникающая ассоциация при упоминании Москвы. Другая часть называемых респондентами объектов связана с опытом посещения Москвы самими информантами или их знакомыми, как, например, медицинские вузы, в которых учатся знакомые респондентов. Эти источники знаний формируют специфический образ Москвы.

А. Лефевр называет объект, задающий тон, основную идею, атмосферу, характеристики и направление интерпретаций всему городу, его «иконой», поэтому создаваемый в итоге образ он называет «иконическим» (*Лефевр* 2008: 142). Автор подчеркивает, что понятие «иконического» образа следует понимать широко. «Иконой» может стать не только объект, но и событие, и такие абстрактные понятия, с которыми эти объекты ассоциируются. Исходя из ответов иранцев их иконический образ Москвы включает в себя следующие элементы: Кремль и связанные с ним объекты, имеющие культурно-историческую и символическую ценность; холодный, снежный климат, непривычный для иранцев; современную урбанистическую среду и ритм жизни современного города. Отсюда видно, что в образе Москвы для них заложена связь прошлого с настоящим в особой пространственной среде. В этом отношении Москва имеет достаточно позитивный образ.

Анализ третьего блока вопросов: ожидаемый опыт в Москве

Третий блок исследования посвящен ожиданиям иранцев относительно их потенциального опыта в Москве, включая проблемы, с которыми они могут столкнуться, и восприятие отношения к ним москвичей как к иностранцам.

Что касается предполагаемого отношения москвичей к иранцам, почти треть респондентов (28%) ожидает хорошего отношения от москвичей, они называют их гостеприимными и вежливыми. Немного меньше (27%) ожидают нейтральной реакции вплоть до безразличной, ожидают, что взаимодействия практически не будет,

и русские не будут их замечать, с учитывая относительно негативную оценку элемента гостеприимства в их автостереотипе. Еще 25% опрошенных не дали никакого ответа. Оставшиеся 20% опасаются плохого отношения принимающего населения и возможных проблем, с ним связанных, в основном в плане трудностей коммуникации из-за холодного темперамента москвичей. Они опасаются, что русские не будут им помогать в городе. Также многие ожидают, что к ним станут плохо относиться из-за того, что они будут визуально выделяться из местного населения в плане цвета кожи и языка. При этом респонденты не выражают опасений относительно отличий от местного населения на фоне проявления религиозности, в частности, в контексте ношения хиджаба. Поскольку в Москве отсутствует обязательное требование по ношению платка, возможно, некоторые иранские женщины не предполагают его ношения в период пребывания в российском городе. Об этом же говорит то, что с Москвой связан образ свободы. В то же время, те из них, кто предполагает продолжать соблюдать традицию ношения хиджаба, не рассматривают это как проблему и фактор негативного отношения к себе со стороны местного населения.

Во втором вопросе респондентам было предложено написать, как они думают, с какими проблемами в Москве они могут столкнуться. Наиболее ожидаемой проблемой оказались языковые барьеры. Респонденты отмечают, что не владеют русским языком, но только небольшой процент считает, что это их личная проблема, более распространенный ответ говорит о том, что сложности возникнут из-за того, что русские плохо владеют английским языком. При этом опыт иранцев, которые проживают в Москве более полугода, говорит о том, что языковые барьеры могут быть частично сняты использованием голосового переводчика (ПИМА 2024).

Следующей названной категорией является непривычный климат и погодные условия, к которым иранцам будет сложно адаптироваться в Москве. Многие респонденты видят проблему в трудности ориентации в пространстве Москвы и опасаются, что они могут в нем потеряться, не найти свой дом. Другие опасения касаются вопросов безопасности — риск кражи или столкновения с пьяными людьми. Иранцы говорят о потенциальных сложностях в социальной адаптации, включая одиночество, недоброжелательность местного населения, а также страхи касательно уровня жизни и цен. В равной степени они ожидают проблем, связанных с взаимодействием с населением и с городским пространством.

Иранцы, формулируя ожидания от пребывания в Москве, выражают как надежды на положительное отношение москвичей, так и опасения по поводу возможных трудностей, включая языковой барьер, климатические условия и вопросы безопасности. В целом, их восприятие ситуации в столице России сочетает в себе надежды на теплый прием местных жителей и страхи относительно социальной адаптации и взаимодействия с городским пространством.

Выводы о представлениях иранцев о Москве и ее жителях

В первую очередь для иранцев очевидны различия с русскими, связанные с темпераментом. Русские кажутся иранцам холодными и замкнутыми. При этом респонденты отмечают некоторые параллели, в основном в сфере политических контекстов, так как их восприятие России часто формируется через призму международных отношений. В то же время, семейные и социальные ценности, такие как уважение к

старшим, важность брака, создают ощущение культурной близости, но также могут быть порождены политическим контекстом близости с Россией на фоне противопоставления западным ценностям.

Образ Москвы в представлениях иранцев довольно позитивен. Его негативные черты вызваны по большей части климатом и ожиданиями сложностей в общении с населяющими город людьми. Само пространство несет в себе потенциальные трудности лишь в связи с его большими размерами и из-за языковых барьеров, препятствующих удобной ориентации в пространстве. Из позитивных черт Москвы респонденты выделяют то, что она идет в ногу со временем и дарит своим жителям и тем, кто в нее приезжает, свободы.

Ответы иранских респондентов позволяют выделить из образа Москвы несколько составных частей, субобразов, из которых он складывается (*Везнер* 2014: 221).

Урбанистический. Москва как мегаполис с развитой инфраструктурой, использующей современные технологии, видится более современной, чем иранские города, поэтому является для многих иранцев точкой притяжения.

Культурно-исторический. Москва в представлении иранцев является средоточием объектов культурно-исторической ценности.

Научно-образовательный. Москва привлекает иранцев возможностью получения высшего образования, поскольку в ней множество ведущих мировых научно-образовательных учреждений. Многие знакомые респондентов, живут или жили в Москве во время своего обучения в московских ВУЗах.

Природно-экологический. Москва считается более чистым и экологическим городом по сравнению с иранскими. Респонденты отмечают наличие большого количества парков и зелени. При этом Москва для иранцев является холодным городом, с непривычным для них климатом, адаптация к которому может стать для многих проблемой.

Криминально-девиантный. Иранские информанты ожидают, что они могут столкнуться с девиантным поведением местного населения, таким как воровство и приставания пьяных людей.

Выявление «портретов» иранских респондентов

Нельзя обойти вниманием то, что представленные выше характеристики носят обобщающий характер для иранского населения, требующий более детального подхода. Разноплановость и подчас прямая противоположность ответов на некоторые вопросы привели к возможности выявить нескольких наиболее ярких групп населения по отношению к Москве и ее населению. Всего было выделено четыре группы или «портрета».

К Группе № 1 мы отнесли иранцев, имеющих связь с Москвой. В этой группе оказалось 43% респондентов, которые получили непосредственный опыт взаимодействия с городом, либо по рассказам близких и знакомых. Наиболее распространенный уровень их образования — бакалавриат (56%), в этой группе оказались преимущественно люди старше 40 лет, то есть это преимущественно старшие родственники и друзья тех, кто учится в Москве, и те, кто бывал в городе в качестве туристов.

Большинство из этих респондентов хотели бы в ближайшие два года посетить Россию. Вероятно, это связано именно с тем, что в Москве у них есть знакомые. Они

передают им знания о жизни в Москве и о своем опыте взаимодействия с ее населением. Поэтому члены этой выборки имеют во многом реалистичные представления о российской столице. По их мнению, у русских и иранцев много общих личностных черт, а различия между ними объясняются образом жизни и культурой. Образ Москвы ими видится достаточно ярким. Они называют самые разнообразные места в Москве, которые хотели бы посетить. Также в этой выборке представлено больше всего категорий сходств между Москвой и иранскими городами, а среди различий в основном указывается погода и значительная модернизация Москвы. Основными проблемами ими видится языковой барьер, а также опасения потеряться в городе. Вероятно, такие оценочные суждения являются отражением того, с чем сталкивались они сами или их знакомые в Москве. При этом многие считают, что сложностей в Москве не будет. Это опять же может быть связано с их личным опытом, благодаря которому многие проблемы от контакта с иной культурой уже были решены. Что касается ожидания от взаимодействия с москвичами, то по сравнению с общей выборкой в ответах представлено больше как негативных, так и позитивных ожиданий.

В целом эту группу характеризует многоплановость знаний о Москве, достаточно реалистичное восприятие ситуации и ожидания, проистекающие из их личного опыта или из рассказов их знакомых, что позволяет им более точно прогнозировать возможные ситуации и проблемы.

Группа № 2 состоит из иранцев, которые имели активное общение с русскими в интернете. Значительная часть таких респондентов (больше половины) находится в возрастной категории от 20 до 25 лет, при этом есть также представители младше 20 лет. Основная масса ответивших происходит из Тегерана, в то время как остальные участники представляют другие крупные города Ирана. Большая часть (55%) имеет неоконченное школьное и высшее образование. При этом многие из них изучают в университетах русский язык и литературу. В расширенных интервью молодые люди сообщили, что в их образовательных программах упор делается не на изучении культуры и жизни в России, а преимущественно на самом языке (ПМА 2024).

Меньше половины респондентов планирует посетить Россию в ближайшие два года. У них не выражен интерес к России и ее культуре, хотя для них и важно общение с русскими как с иностранцами. Перечисленные в этой когорте основные сходства между русскими и иранцами в целом повторяют представленные в общей выборке опроса: это политика и семейные ценности. А среди различий они выделяют в основном темперамент, но при этом в их воображении практически отсутствуют негативные характеристики русских. В качестве мест для посещения в Москве подавляющее большинство называют Кремль и пешеходные улицы. В плане различий между городами ответы респондентов примерно совпадают с общей выборкой, а сходств они выделяют гораздо меньше, указывая в основном на историю и культуру. Ожидания от Москвы у них в целом положительные. Большинство рассчитывает на хорошее отношение к себе местного населения и почти никто не боится проблем или плохого отношения. Это происходит из-за того, что они, вероятно, переносят свой опыт взаимодействия с русскими из специализированного приложения для общения на все население города, что создает для них искаженную картину. Основной трудностью они видят языковой барьер, при этом считают, что это именно их проблема незнания русского языка.

В целом, группа иранцев, которые имели личное, пусть и дистанционное, общение с русскими, демонстрирует высокий уровень оптимизма и положительного вос-

приятия русской культуры, но в то же время их знание о реальной жизни москвичей ограничено. Это создает вероятность разочарования в случае, если их ожидания не оправдаются. Москва для них похожа на сцену для общения с местными жителями, при этом самостоятельной аттрактивностью не обладает.

В Группу № 3 мы включили респондентов, которые демонстрирует низкий интерес к России, минимальный процент из них планирует посетить Россию в ближайшие годы и имеет связи с Москвой. Это, преимущественно молодые иранцы, имеющие образование выше бакалаврского. Половина из них — в возрасте от 26 до 30 лет, но не старше 35 лет. Более половины респондентов проживают в Тегеране и других крупных городах Ирана, что указывает на большую степень их урбанизации.

Среди отнесенных к этой группе юношей и девушек в два раза меньший процент, чем в общей выборке, выделяет какие-либо схожие черты между двумя странами, при этом они касаются только политики и географии, то есть никаких сходств именно у населения выделено не было. В плане различий русских и иранцев перечисляются преимущественно культура общения и собственно культура, при этом большая часть ответов довольно негативно характеризует русских. Гораздо меньше респондентов имеют какие-либо особые желания для посещения в Москве. Остальные в основном указывают на то, что места их посещения в городе должны быть популярными и интересными. Некоторые назвали театры и музеи как объекты интереса. В плане различий между городами в первую очередь перечисляются их архитектурные особенности и внешний вид улиц, при этом никто не указывает на более современный облик Москвы. Лишь небольшой процент выделил сходства между городами, в их представлениях они заключаются в культуре, истории и транспортной инфраструктуре. Относительно возможных проблем в Москве, с которыми они могут столкнуться, преимущественно называют языковые барьеры и погодные условия города. Также молодые иранцы ожидают негативное отношение к себе местного населения и наличие проблем с ним. Ожиданий положительного отношения среди них практически нет.

В целом, интерес к Москве и России в данной группе как таковой отсутствует, она демонстрирует критичный и несколько негативный взгляд на Москву и ее население, не ожидая значительных положительных впечатлений взаимодействия с ними. Также они не выделяют никаких общих черт между населением двух стран. При этом их знания о России, хотя и имеются, не сопровождаются позитивным эмоциональным откликом.

Группа № 4 состоит из иранцев, которые планируют посетить Россию в ближайшие два года, хотя половина из них не имеет никакой связи с Москвой. Возрастная структура: чуть больше половины участников (больше 50%) находятся в возрасте от 20 до 25 лет, равно столько же — до 20 лет, и наименьшая доля — 26–30 лет. Жители Тегерана и крупных городов составляют примерно равное число, чуть меньше из остальных регионов. Среди участников 41% имеет бакалаврское образование, 10% — школьное, и лишь 6% обладает магистерскими дипломами.

Среди сходств двух стран большинство отнесенных к этой группе иранцев выделяет политический аспект и личностный. В плане различий между населением в первую очередь названа культура в целом и культура общения, а темперамент в отличие от основной выборки для них второстепенен, при этом наблюдается более негативное восприятие русских по сравнению с иранцами. Респонденты этой категории выделили множество разнообразных мест, которые их интересуют в Москве,

в том числе практически все конкретные объекты, указанные в общей выборке, что говорит о том, что они достаточно хорошо знают географию Москвы, интересуются ею. Среди различий между Москвой и иранскими городами чаще всего называются погодные условия и современность Москвы. А черты сходства между городами примерно совпадают с общей выборкой, кроме того, что не включает в себя детальную характеристику жителей мегаполиса. Ожидания от взаимодействия с местным населением у этой группы более негативные. Большой процент ожидает проблемы, связанные с межличностной коммуникацией, и гораздо меньший процент ожидает ощутить положительную реакцию москвичей. Из проблем, которые могут ожидать в Москве, чаще всего выделяют страх потеряться в городском пространстве, но практически не указывают на неудобства, связанные с погодой и местным населением.

В целом, группа демонстрирует более реалистичное, но несколько негативное восприятие Москвы. Цель их посещения — познакомиться с туристическими объектами Москвы, а ее население выступает для них потенциальным негативным фактором.

Можно сделать вывод, что стереотипы, функционирующие в обыденном сознании всегда эмоционально насыщены, что определяется чувством симпатии или антипатии, доверия или недоверия, притяжения или отталкивания. Эмоциональная реакция зависит от опыта общения с представителями другой культуры, от уровня знаний об их особенностях, от действующих в культуре стереотипов. Так, отсутствие опыта взаимодействия с российской столицей и ее жителями приводит к доминированию негативных представлений и ожиданий, основанных на негативных стереотипах. Наличие одного только опыта общения с небольшим количеством представителей иной культуры может приводить к искаженному идеализированному представлению.

Более позитивное отношение иранцев, имеющих непосредственные связи с Москвой, объясняется их личным опытом взаимодействия с мегаполисом и его жителями, что позволяет им формировать более реалистичные и обоснованные представления о жизни в Москве. Эти люди получают информацию не только из общих источников, но и от близких, что помогает им лучше понять культурные особенности и повседневную жизнь. Кроме того, наличие знакомых в Москве создает чувство уверенности и снижает страх перед возможными трудностями, такими как языковой барьер или культурные различия, что в свою очередь способствует более положительному восприятию города и его населения.

Заключение

В результате проведенного исследования образа Москвы у иранцев были выявлены ключевые аспекты их восприятия города и его жителей. Образ Москвы в целом достаточно позитивен, включает в себя культурно-исторические символы, такие как Кремль, а также современные черты городской жизни. Однако существует и ряд негативных аспектов, которые обусловлены объективными факторами, такими как климат и языковые барьеры. Представления о русских и москвичах формируются через призму автостереотипов и содержат как положительные, так и отрицательные черты, в зависимости от совпадения с иранскими ценностями, но в целом иранцы нацелены преимущественно на формирование оппозиции «мы — они». В ходе анализа были выделены четыре группы иранцев, различающихся по отношению к Москве: от идеализированного до негативного восприятия, что зависит от уровня ин-

формированности и личного опыта взаимодействия с городской средой и жителями российской столицы.

Исследование подчеркивает, что одной информации, почерпнутой из СМИ, недостаточно для создания положительных представлений о Москве и москвичах; более важны личные связи, опыт успешной адаптации в социальном окружении — они являются ключевыми факторами в формировании позитивного образа Москвы у иранцев, влияя на их ожидания и эмоциональные реакции, помогая преодолевать негативные установки, вызванные стереотипами.

Для достижения устойчивого позитивного образа необходимо активно развивать программы культурного обмена и совместные проекты, которые обеспечат реальные взаимодействия и сблизят народы, способствуя более глубокому пониманию друг друга.

Источники и материалы

Договор о всеобъемлющем 2025 — Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран // Кремль: [Электронный ресурс]. 17.01.2025. <http://kremlin.ru/supplement/6258> (дата обращения: 05.02.2025).

Минэкономразвития России 2024 — Минэкономразвития России: Количество поездов иранских туристов в Россию за первое полугодие 2024 г. увеличилось почти на 30% // Министерство экономического развития Российской Федерации: [Электронный ресурс]. 01.10.2024. https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_kolichestvo_poezdok_iranskih_turistov_v_rossiyu_za_pervoe_polugodie_2024_g_увеличилось_pochti_na_30.html (дата обращения: 06.02.2025).

Объем торговли РФ и Ирана 2024 — Объем торговли РФ и Ирана вырос на 14,7% за девять месяцев 2024 года // Известия: [Электронный ресурс]. 23.12.2024. <https://iz.ru/1812358/2024-12-23/obem-torgovli-rf-i-irana-vyros-na-147-za-devyat-mesiatcev-2024-goda> (дата обращения: 03.02.2025).

ПМА 2024 — Материалы полевых исследований автора, собранных во время этнографической экспедиции в г. Москва.

Научная литература

Артановский С. Н. Этноцентризм и «возврат к этничности»: концепции и действительность // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 15–23.

Вазиров З. К., Афзали М., Гарибова Ф. М. Миграционные процессы между Россией и Ираном в контексте углубления сотрудничества в условиях санкций // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3. № 3. С. 87–99. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.6> EDN OBIRML.

Везнер Л. Н. Структура образа города: основные теоретические подходы // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 4. С. 221–224.

Волков Ю. Г. Социология: учебник. Изд. 2-е. Ростов н/Д.: КноРус, 2013. 496 с.

Зотова Ю. А. Взаимное восприятие в современных российско-иранских отношениях: образ России и Ирана в школьных учебниках истории двух стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 157–170. https://doi.org/10.22363/2313_0660-2021-21-1-157-170

Ильюшкин В. В. Специфика проявления автостереотипов, гетеростереотипов в процессах межкультурного общения и обучения // Проблемы педагогики. 2015. № 5 (6) С. 7–11.

Лефевр А. Другие Парижи // Логос. 2008. № 3 (66). С. 141–147.

Лефевр А. Производство пространства. М.: Стрелка Пресс, 2015. 432 с.

Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

Малеки Р. Взаимоотношения культур Ирана и России: вызовы и перспективы // Сотрудниче-

ство России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 19 октября 2016 г. / под ред. А. Я. Касюка, И. К. Харичкина, А. И. Полищука. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 138–143.

Полищук А. И., Соболева А. С., Карими Риabi Э. Развитие российско-иранских культурных связей в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 368–386. <https://doi.org/10.22363/2313-0660.2018-18-2-368-386>

Fiske S. T. Controlling Other People: The Impact of Power on Stereotyping // *American Psychologist*. 1993. Vol. 48. No 6. P. 621–628. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.48.6.621>

Gieryn T. F. A Space for Place in Sociology // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. P. 463–496. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.463>

Neuberg S. L., Williams K. E. G., Sng O., Pick C. M., Neel R., Krems J. A., Pirlott A. G. Toward Capturing the Functional and Nuanced Nature of Social Stereotypes: an Affordance Management Approach // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2020. Vol. 62. P. 245–304. <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2020.04.004>.

References

Artanovskii, S. N. 1992. Etnotsentrizm i “vozvrat k etnichnosti”: kontseptsii i deistvitel’nost’ [Ethnocentrism and the “Return to Ethnicity”: Concepts and Reality]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 15–23.

Fiske, S. T. 1993. Controlling Other People: The Impact of Power on Stereotyping. *American Psychologist* 48(6): 621–628. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.48.6.621>

Gieryn, T. F. 2000. A Space for Place in Sociology. *Annual Review of Sociology* 26: 463–496. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.463>

Il’iushkin, V. V. 2015. Spetsifika proiavleniia avtostereotipov, geterostereotipov v protsessakh mezhkul’turnogo obshcheniia i obucheniia [The Specificity of the Manifestation of Autostereotypes and Heterostereotypes in the Processes of Intercultural Communication and Learning]. *Problemy pedagogiki* 5(6): 7–11.

Lefebvre, A. 2008. *Drugie Parizhi* [Other Paris]. *Logos* 3(66): 141–147.

Lefebvre, A. 2015. *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space]. Moscow: Strelka Press. 432 p.

Lynch, K. 1982. *Obraz goroda* [The Image of the City]. Moscow: Stroizdat. 328 p.

Maleki, R. 2017. Vzaimootnosheniia kul’tur Irana i Rossii: vyzovy i perspektivy [Relations Between the Cultures of Iran and Russia: Challenges and Prospects]. In *Sotrudnichestvo Rossii i Irana v politicheskoi, ekonomicheskoi i kul’turnoi oblastiakh kak faktor ukrepleniia mira i bezopasnosti v Evrazii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 19 october 2016* [Cooperation Between Russia and Iran in the Political, Economic and Cultural Spheres as a Factor in Strengthening Peace and Security in Eurasia: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 19, 2016.], ed. by A. Ya. Kasiuk, I. K. Kharichkin, A. I. Polishchuk. Moscow: FGBOU VO MGLU. 138–143.

Neuberg, S. L., K. E. G. Williams, O. Sng, C. M. Pick, R. Neel, J. A. Krems, and A. G. Pirlott. 2020. Toward Capturing the Functional and Nuanced Nature of Social Stereotypes: An Affordance Management Approach. *Advances in Experimental Social Psychology* 62: 245–304. <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2020.04.004>

Polishchuk, A. I., A. S. Soboлева, and E. Karimi Riabi. 2018. Razvitie rossiisko-iranskikh kul’turnykh sviazi v nachale XXI v. [Development of Russian-Iranian Cultural Relations at the Beginning of the 21st Century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Mezhdunarodnye otnosheniia* 18 (2): 368–386. <https://doi.org/10.22363/2313-0660.2018-18-2-368-386>

Vazirov, Z. K., M. Afzali, and F. M. Garibova. 2023. Migratsionnye protsessy mezhdu Rossiei i Iranom v kontekste uglublenniia sotrudnichestva v usloviakh sanktsii [Migration Processes

- between Russia and Iran in the Context of Deepening Cooperation Under Sanctions]. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniia* 3 (3): 87–99. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.6> EDN OBIRML.
- Vezner, L. N. 2014. Struktura obraza goroda: osnovnye teoreticheskie podkhody [The Structure of the City Image: Main Theoretical Approaches]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* 4: 221–224.
- Volkov, Yu. G. 2013. *Sotsiologiia: uchebnik* [Sociology: Textbook]. Izdanie 2-e. Rostov-na-Donu: KnoRus. 496 p.
- Zotova, Yu. A. 2021. Vzaимное vospriiatie v sovremennykh rossiisko-iranskikh otnosheniakh: obraz Rossii i Irana v shkol'nykh uchebnikakh istorii dvukh stran [Mutual Perception in Contemporary Russian-Iranian Relations: The Image of Russia and Iran in School History Textbooks of the Two Countries]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia* 21(1): 157–170. https://doi.org/10.22363/2313_0660-2021-21-1-157-170